

КРИСТИН ХАННА

ЦВЕТА ИСТИНЫ

РОМАН

Перевод с английского

Натальи Рашковской

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
Х19

TRUE COLORS by KRISTIN HANNAH

Copyright © 2008 by Kristin Hannah

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Перевод с английского *Натальи Рашковской*

Редактор *Мария Елифёрова*

Оформление обложки *Елены Сергеевой*

Кристин Ханна

X19 Цвета истины: Роман / Пер. с англ. Н. Рашковской. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 416 с.

Сестры Грей всегда держались друг друга, особенно после смерти матери. Строгий и непреклонный отец едва замечает дочерей. Вайнона, старшая, больше всего нуждается в одобрении отца. С детства опекающая сестер, она не чувствует себя своей на огромном конном ранчо, которое принадлежало ее семье на протяжении трех поколений. Аврора, средняя, всегда пытается всех примирить. Виви-Энн, младшая, — беспорная звезда в семье. Ей, любимице отца, все дается легко, и кажется, что так будет всегда. Но однажды девушка принимает роковое решение следовать голосу своего сердца, а не идти по пути послушной дочери, и тут начинают происходить события, которые подвергнут испытанию любовь сестер и их преданность друг другу. Никто никогда не мог даже предположить, что они могут разойтись в разные стороны. Но стоит тайнам выльпеть наружу, и правда о шокирующем преступлении разрушит и семью сестер Грей, и их любимый дом.

ISBN 978-5-907943-16-2

© Наталья Рашковская, перевод, 2026

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2026

ПРОЛОГ

1979 год

Пятнадцатилетняя Вайнона Грей выглянула в окно и уставилась на прибрежное ранчо, принадлежавшее ее семье на протяжении четырех поколений. Изменилось ли что-нибудь? Горе, свалившееся на них, непременно должно было оставить свой след — может быть, летняя трава вдруг побурела, небо закрыли хмурые тучи, молния разбила дерево? Что-то должно было случиться.

Из окна спальни видна была почти вся их земля. У задней границы имения теснились гигантские кедры, склонив кружевные ветви; лошади паслись вдоль забора, втаптывая в грязь непокорную высокую траву. На холме в лесу притаился маленький домик, который построил еще ее прадед, застолбив этот участок.

Казалось, все как обычно, но Вайнона не обманывалась. Пару лет назад в холодной воде у Вашингтонского побережья, недалеко отсюда, утонул ребенок, и потом несколько месяцев все только и говорили, что об этой трагедии. Мама тогда отвела Вайнону в сторонку и рассказала ей о невидимых опасностях, подводных течениях, которые могут погубить даже на мелководье, но теперь она знала, что в тихом омуте повседневной жизни скрываются не меньшие угрозы.

Отвернувшись от окна, Вайнона спустилась вниз. Со вчерашнего дня дом казался слишком большим и тихим. Ее сестра Аврора, поджав ноги, сидела на клетчатом желто-голубом

диване и читала. Тоненькая, как карандашик, худющая в свои четырнадцать, она была в том неуклюжем возрасте, когда детство уже закончилось, а зрелость еще не наступила. Подбородок у нее был остренький, длинные темно-русые волосы причесаны на прямой пробор.

— Рано ты встала, Стебелек, — сказала Вайнона.

Аврора подняла глаза:

— Не могла спать.

— Да-а. Я тоже.

— Виви-Энн на кухне. Несколько минут назад я слышала, как она плачет, но... — Аврора пожала худенькими плечами, — я не знаю, что сказать.

Вайнона понимала, как Авроре нужен порядок в жизни, именно она всегда всех в семье мирила, старалась все сгладить, исправить. Неудивительно, что этим утром она выглядит еще более хрупкой, чем обычно. Просто красивые слова сейчас никого бы не утешили.

— Пойду к ней, — сказала Вайнона.

Двенадцатилетняя сестра сгорбилась над столом с желтым пластиковым покрытием и что-то рисовала.

— Привет, Фасолька, — сказала Вайнона, потрепав сестру по голове.

— Привет, Горошинка.

— Что ты делаешь?

— Рисую нас, девочек.

Оторвавшись от своего занятия, она подняла голову. Длинные волосы пшеничного цвета спутались, как воронье гнездо, а зеленые глаза покраснели от слез, и все же она была хорошенькая, как немецкая фарфоровая кукла.

— Мама же увидит с неба мою картину?

Вайнона не знала, что ответить сестре. Прежде вера давалась ей легко, как дыхание, но теперь все изменилось. Рак ворвался в их семью, разбив ее на множество осколков, и трудно было представить, что они когда-нибудь снова станут единым целым.

— Конечно, — вяло ответила она. — Повесим ее на холодильник.

Она отошла от сестры, но сразу поняла, что зря. На кухне все напоминало о маме: самодельные занавески в желто-голубую клетку, магнит «Мое сердце в горах» на холодильнике, ваза с ракушками на подоконнике. *Винни, ну пойдём на берег искать сокровища...*

Сколько раз Вайнона тем летом отказывала маме? У нее не было времени на маму, она считала себя слишком крутой, чтобы обшаривать пляж в поисках окатанных стеклышек среди обломков устричных ракушек и сохнувших водорослей.

Эта мысль погнала ее к холодильнику. Она нашла в морозилке большой контейнер с неаполитанским мороженым. Только мороженого ей не хватало, с ее-то весом, но как тут удержаться.

Достав ложку, она прислонилась к кухонной стойке и стала есть. Через окно были видны грунтовая дорожка перед домом и закрытый с трех сторон потрепанный темно-красный навес для скота на поляне. Старенький синий пикап отца, пятясь задом, подъезжал к заржавевшему фургону на шесть лошадей. Отец выбрался с водительского сиденья, чтобы прицепить фургон к машине.

— Неужели он на родео поедет, — пробормотала Вайнона, подавшись вперед.

— Конечно, — ответила Виви-Энн, которая снова рисовала. — Он с рассвета готовится.

— Родео? Да ты шутишь. — Аврора вошла в кухню, встала рядом с Вайноной у окна. — Но... как он может?

Вайнона знала, что ей положено занять опустевшее место матери и объяснить, почему нет ничего плохого в том, что папа живет обычной жизнью на следующий день после похорон собственной жены, но такая огромная ложь была ей не под силу — даже ради того, чтобы смягчить боль сестер. А может быть, это и не ложь, может быть, так и поступают взрослые в этом мире, может быть, они просто продолжают жить, и почему-то эта мысль пугала ее еще больше, и она не сказала ничего. Молчание затянулось, и Вайноне стало неловко, она не понимала, что должна говорить, как облегчить им эту муку, хотя знала,

что это ее обязанность. Старшей сестре положено заботиться о младших.

— Почему он уводит Клем с луга? — спросила Аврора, забрав у Вайноны ложку и зачерпнув мороженого.

Виви-Энн то ли всхлипнула, то ли вскрикнула. Подскочила и распахнула дверь так, что та врезалась в стену.

— Он хочет продать мамину лошадь, — отрывисто произнесла Вайнона. Она сама на себя злилась, что сразу этого не поняла.

— Не может такого быть. — Аврора жалобно посмотрела на Вайнону: — Правда?

Но Вайноне нечем было ее утешить. Она кинулась вслед за Виви-Энн. К тому времени, когда они добежали до парковки у навеса, она совсем запыхалась. Сестры резко остановились.

Отец держал Клем за чомбур. Солнечный свет бил по пропотевшей тулье ковбойской шляпы, отражался от серебряной ременной пряжки размером с блюдце. Чеканное лицо отца напоминало близлежащие горы: гранитные плоскости и затененные впадины. В нем не было и намек на мягкость.

— Не продавай мамину лошадь, — выдохнула Вайнона.

— Ты мне что, указывать будешь? — сказал он, на мгновение задержав взгляд на мороженом в ее руке.

Вайнона почувствовала, что краснеет. Для ответа ей потребовалось собрать всю свою храбрость, но выбора не было. Если не она, то кто?

— Это же ее любимая лошадь... была.

— Мы не можем позволить себе кормить кобылу, на которой никто не ездит.

— Я буду на ней ездить, — пообещала Вайнона.

— Ты?

— Я буду лучше стараться. Не буду бояться.

— Да ты же ни в одно седло не влезешь.

Последовала мучительная пауза. Вайнона рванулась вперед и выхватила из рук отца чомбур. Но то ли резкое движение, то ли громкий голос напугал Клементину, и она шарахнулась в сторону. Веревка полоснула по ладони Вайноны, руку ожгло, девочка пошатнулась и чуть не упала.

Тут Виви-Энн подступила к лошади, усмиряя Клементину словом, прикосновением.

— Все в порядке? — прошептала она Вайноне, когда лошадь успокоилась.

От стыда Вайнона ничего не смогла ответить. Она слышала, как отец подходит к ним, как чавкают по грязи его ковбойские сапоги. Они с Виви-Энн медленно повернулись к нему.

— Ты в лошадях ничего не понимаешь, Вайнона, — сказал он. Он ей всю жизнь это говорил. Самые обидные слова от ковбоя.

— Я знаю, но...

Отец ее не слушал. Он смотрел на Виви-Энн. Они как будто что-то говорили друг другу, но Вайнона не понимала что.

— Она кобылка норовистая. И молодая. С ней не каждый справится, — сказал отец.

— Я справлюсь, — ответила Виви-Энн.

Что правда, то правда, и Вайнона это знала. Виви-Энн всего лишь двенадцать, но Вайноне никогда не бывать такой смелой, как она.

Зависть ударила ее, как отскочившая резинка. Она знала, что это плохая, злая мысль, но ей захотелось, чтобы отец отказал Виви-Энн — чтобы он ранил свою самую красивую дочь острым лезвием своего неодобрения.

Но он только произнес: «Мама бы тобой гордилась» — и протянул Виви-Энн потрепанный голубой чомбур.

Как будто издалека Вайнона видела, как они уходят вместе. Она сказала себе, что это неважно, ведь она только хотела, чтобы Клем не продавали, но ложь — слабое утешение.

Лишь теперь, когда драма уже разрешилась, Аврора взобра-лась по холму и подошла к Вайноне.

— Все в порядке?

— Да.

— Главное, что он Клем не продаст.

— Ага, — кивнула Вайнона. Вот бы она и правда так думала. — Какая разница, кто будет на ней ездить?

— Вот именно.

Но много лет спустя, вспоминая об этой неделе после маминой смерти, Вайнона поняла, что, передав чомбур Виви-Энн, отец изменил все. С тех пор ревность стала бурным подводным течением в тихом омуте их жизни. Но никто этого не замечал. По крайней мере, тогда.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1992 год

День, которого Виви-Энн так ждала, 25 января, все никак не наступал. Когда он наконец пришел, она проснулась раньше обычного. Задолго до того, как рассвет озарил небо, она откинула одеяло и встала с кровати. В холодной темноте комнаты надела прорезиненный комбинезон и шерстяную шапку. Взяла пару поношенных кожаных рабочих перчаток, влезла в высокие резиновые сапоги и вышла на улицу.

В принципе, кормить лошадей ей не нужно. Покормил бы помощник, которого недавно наняли. Но почему бы не сделать что-нибудь полезное, если ей все равно не заснуть.

Луны не было, и Виви-Энн видела лишь серебристый прозрачный парок от собственного дыхания, но она лучше всего на свете знала, где что расположено на отцовской земле.

Уотерс-Эдж.

Больше ста лет назад ее прадедушка застолбил этот участок и основал городок Ойстер-Шорс.

Другие мужчины выбрали более населенные участки, куда легче было добраться, но только не Абелярд Грей. На пути сюда он пересек опасные равнины, одного его сына убили индейцы, второго — грипп, а он все ехал и ехал на Запад, его влекла мечта об этом диком, уединенном уголке вечнозеленого штата Вашингтон. И выбрал он потрясающе красивую землю, сто двадцать пять акров*, уместившихся между теплыми синими водами Худ-Канала и поросшими лесом холмами.

---

* 50 гектаров. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Виви-Энн поднялась по холму к конюшне, построенной десять лет назад. Под высоким бревенчатым потолком дощатой перегородкой отделялась просторная зона для выездки, а с двух сторон, восточной и западной, были устроены двенадцать стойл. Виви-Энн открыла тяжелую раздвижную дверь, свет над головой включился с таким звуком, будто кто-то щелкнул пальцами, и лошади тут же заволновались, радостно заржали, сообщая, что хотят есть.

Весь следующий час она отрывала клоки сена от рулонов, хранившихся под навесом, складывала их в ржавую тачку и возила по неровным цементным проходам. У последнего стойла на деревянной, изготовленной по особому заказу табличке значилось официальное, редко используемое имя ее кобылы: Голубая Ленточка Клементины.

— Привет, девочка, — сказала она, отпирая дощатую дверь.

Тихонько заржав, Клем приблизилась к ней и загребла охапку сена из тачки.

Виви-Энн бросила сено в железные ясли и закрыла за собой дверь. Пока Клем ела, Виви-Энн стояла рядом, поглаживая ее по шелковистой шее.

— Ты готова к родео, девочка?

В ответ лошадь ткнулась ей в бок носом, чуть не сбив ее с ног.

За годы, прошедшие со смерти мамы, Виви-Энн и Клементина стали неразлучны. Когда отец перестал разговаривать и начал пить, а старшеклассницы Вайнона и Аврора погрузились в учебу, Виви-Энн почти все время проводила с этой лошадью. Иногда, не в силах справиться с горем и пустотой, Виви-Энн выскальзывала из спальни и бежала в конюшню, где и засыпала в кедровой стружке у копыт Клем. Даже когда Виви-Энн повзрослела и приобрела популярность, она все равно считала эту кобылу своей лучшей подругой. Только с ней, в последнем стойле у восточного прохода, где так сладко пахло, она делилась своими самыми сокровенными секретами.

В последний раз потрепав Клем по шее, Виви-Энн вышла из конюшни. Когда она дошла до дома, солнце уже проступило рыжим, как ириска, пятном на черно-сером зимнем небе. От

двери открывался вид на стальные воды Канала и зубцы далеких, покрытых снегом горных вершин.

Войдя в полутемный дом, она услышала скрип половиц — значит, отец уже встал. На кухне она накрыла стол на троих и начала готовить завтрак. Только она поставила блюдо с оладушками в духовку, чтобы подогреть их, как на кухне появился отец и сел за стол. Виви-Энн подала ему кофе с сахаром, но отец даже не оторвал глаз от журнала «О коневодстве».

Она чуть-чуть постояла рядом: что бы такого сказать, чтобы завязать разговор?

В своей обычной рабочей одежде — клетчатая рубашка, поношенные джинсы «Рэнглер», за ремень с огромной серебряной пряжкой заткнуты кожаные перчатки — отец выглядел как всегда. Но кое-что все же изменилось: лицо состарилось, покрылось сеточкой морщин.

Годы, прошедшие с маминой смерти, его не пощадили: черты лица заострились, тени пролегли там, где прежде их не было, под глазами набухли мешки. Спина согнулась, и сам он говорил, что иначе и не бывает у коновалов, которые всю жизнь, скрючившись, подковывают лошадей, но горе тоже сыграло свою роль. Виви-Энн в этом не сомневалась. Тяжесть неожиданного одиночества скрутила его не меньше, чем работа. Выпрямлял спину отец теперь только на людях, и она знала, какую боль причиняет ему это усилие.

Он сидел за столом, читая журнал, пока Виви-Энн готовила и подавала завтрак.

— В этом месяце Клем на тренировочных забегах показывала прекрасные результаты, — сказала она, усаживаясь рядом с отцом. — Думаю, что у нас есть шанс выиграть родео в Техасе.

— А где поджаренный хлеб?

— Я оладушки сделала.

— Как яичницу без тостов есть?

— Ешь с хашбраунами*. Хлеб закончился.

---

* Американские картофельные оладьи, обычно треугольной формы, которые традиционно подают на завтрак.

Явно недовольный отец тяжело вздохнул. Демонстративно взглянул на пустое место за накрытым столом.

— Ты Трэвиса сегодня видела?

Виви-Энн посмотрела в окно. Работника нигде не видно. Не тарахтит трактор, тачка не стоит у конюшни.

— Я уже покормила лошадей. Он, может, забор чинит.

— Ты опять «удачного» работника выбрала. И если бы ты перестала спасать всех несчастных лошадок в округе, нам бы вообще никого нанимать не пришлось. Это ведь нам даже не по карману.

— Кстати, о деньгах, папа... На этой неделе мне нужно триста долларов на родео, и кофе закончился.

Отец промолчал.

— Папа?

— Я те деньги на сено потратил.

— Больше нет?

— И налоги пора платить.

— Тогда у нас проблемы, — сказала Виви-Энн, нахмурившись. Она, конечно, и раньше слышала, что денег не хватает, всегда это знала, но впервые до нее это действительно дошло. Она вдруг поняла, почему Вайнона все время твердит, что надо откладывать деньги на налоги. Она подняла глаза на отца. Тот наклонился вперед, положив локти на стол. Сестры сказали бы, что это некультурно, но Виви-Энн догадалась, почему он так сидит.

— У тебя опять спина болит?

Отец ничего не ответил, даже не подал виду, что услышал.

Она встала, достала из шкафчика ибупрофен и положила таблетки на стол.

Он прикрыл их своей разлапистой рукой коновала.

— Я достану деньги, папа. И выиграю на этой неделе. Может, тысячи две. Не переживай.

Они молча доели завтрак, отец продолжал читать журнал. Закончив есть, он отодвинул стул и встал. Потянувшись за пропотевшей ковбойской шляпой, висевшей на крючке у двери, сказал:

— Не подведи меня.

— Не подведу. Пока, папа.

Он ушел, а Виви-Энн так и осталась сидеть. Беспокойство не отпускало.

Ей было двадцать четыре, и большую часть жизни она плыла, как листок по воде — куда несло ее течение. Она несколько раз пыталась сменить направление, но каждая попытка (например, поступление в двухгодичный колледж) быстро заканчивалась, и она возвращалась на свою землю.

Ей здесь нравилось, вот и все. Нравилось проводить все дни, от зари до заката, с лошадьми, объезжать их и передавать опыт девочкам с сияющими глазами, боготворившим свою ловкую тренершу. Ей нравилось, что все в городке знают, кто она такая, и уважают ее и ее семью. Ей даже местный климат нравился. Многие жаловались, что с ноября по апрель один серый день сменяет другой, но ее это устраивало. Без дождя не бывает радуги. Такой девиз она избрала себе в двенадцать лет, стоя у свежей могилы и пытаясь осознать неожиданную и страшную потерю. Тогда она сказала себе, что жизнь коротка и прожить ее надо весело.

Но теперь пришло время взрослеть. На этот раз она нужна ранчо, а не наоборот. Однако как все изменить, она не знала. Бизнес и планирование — вряд ли ее сильные стороны, но она умнее, чем считают окружающие. Нужно просто хорошенько подумать.

Только сначала занять триста долларов у одной из сестер. Она скажет им, что это хорошая инвестиция.

Вайноне нравилось быть главной. В любом деле. И при этом находиться в гуще событий. В колледже ей было достаточно сходить на одно занятие по конституционному праву, и она поняла, чего хочет в будущем. Теперь ей двадцать семь лет, и жизнь, в общем-то, сложилась так, как она и задумала. Не совсем, конечно (она не замужем, ни с кем не встречается, детей тоже нет, а еще лишний вес), но в целом — да. Она, вне всяких сомнений, самый успешный юрист в Ойстер-Шорс. Все знали, что она справедливая, уверенная в себе и умная. Все говорили, что с ней лучше не спорить. Вайнона ценила свою репутацию

почти так же, как образование. Пусть папа и Виви-Энн молятся у алтаря своей земли — религия Вайноны шире. Для нее важны сообщество и люди, которые здесь живут. Пусть красавица Виви-Энн будет душой городка, а цель Вайноны — стать его совестью.

Она нажала на кнопку громкой связи:

— Через десять минут здесь будут члены городского совета, Лиза. Кофе точно хватит?

Секретарша тут же отозвалась:

— Да, я уже проверила.

— Хорошо.

Вайнона переключила внимание на стопку бумаг, лежащую перед ней. Пара экологических отчетов, кадастровая карта участка и составленный ею договор купли-продажи недвижимости.

Будем надеяться, это спасет Уотерс-Эдж.

Ну, может быть, она слегка преувеличивает, ведь ранчо не то чтобы на краю финансовой пропасти. Оно, скорее, похоже на одну из тех жалких голодных кляч, которых Виви-Энн все время спасает, — ковыляет себе. Каждый месяц папа и Виви-Энн с трудом зарабатывали на содержание фермы, а налоги все росли. Этот уединенный уголок штата Вашингтон еще не «открыли» яппи, обращающие участки на скалистом побережье в золото, но это лишь вопрос времени. Скоро какой-нибудь девелопер поймет, что их сонный городишко расположен на потрясающе красивом берегу с видами на Олимпийские горы, похожие на Швейцарские Альпы, и когда это произойдет, папины сто двадцать пять акров земли окажутся лакомым кусочком. Из-за роста налогов ему придется продать землю либо лишиться ее, но никто, похоже, не видит неизбежности этого будущего, кроме нее. А ведь такое уже происходит по всему штату.

Вайнона обдумывала и записывала в желтый блокнот фразы для разговора с отцом. Он непременно должен понять, что это важно, что она нашла способ спасти и защитить его. И решить проблему должна непременно она. Может быть, тогда отец наконец-то будет гордиться ею.